

Новая газ. - 2002 - 11-13 март - с 20.

Мы познакомимся зимой 1973 года, когда я приехала в Москву и на несколько дней остановилась у своего друга, художника. Он жил на окраине, у черта на куличках, в Чертаново, однако гости в доме не переводились и хозяин с законной гордостью говорил, что у него бывает «вся Москва». Нагрянула очередная компания: румяный молодец в дубленке, девица с повадками роковой женщины и тихий человек, похожий на колхозного счетовода. За ними в коридоре топтался Венедикт — на две головы выше всех, без шапки, с сеткой бутылки в руке. Он ждал, пока остальные разденутся, потом бережно поставил сетку и скинул свое пальто. Мне много лет казалось, что это пролетарское, подбитое ветром, с короткими рукавами пальто оставалось у него неизменным. В вечер нашего знакомства он был благорасположен и говорил, царственно одевая гостей водкой и выслушивая хвалы «Москве-Петушкам» и цитаты из них. Это было время его славы...

Несколько встреч с Венедиктом Ерофеевым

Венедикт, как все мои друзья, был беден. Несколько раз у него появлялись деньги — гонорары с Запада, но они быстро расходились, и ему приходилось работать. Венедиктовы места работы были экзотические, я запомнила название одной из его профессий — пропитчик. Как-то подобралась целая бригада пропитчиков (они пропитывали огнеупорным составом балки и перекрытия в домах) из московских литераторов, и все как на подбор были людьми сильно пьющими. Об этой работе я знала понаслышке, но один эпизод из трудовой биографии Венедикта запомнила накрепко.

Я приехала в Москву на один день, Венедикт был на дежурстве, и мы условились, что я приду к нему на работу. Рано утром я отправилась в путь. Доехала до окраины, до уходящего за горизонт проспекта, потом жильё закончилось, и на другой стороне проспекта оказалось кладбище, а на моей — бесконечный бетонный забор. Пройдя мимо забора с полкилометра, я засомневалась: судя по нему и кладбищу, я шла правильно — мои друзья работали именно в таких таинственных местах. Но что-то слишком много на этой ограде колючей проволоки, прожекторов и телекамер, и нигде не видно входа.

Несколько приуныв, я тащилась вдоль забора, и проволока над моей головой гу-

полуметре от земли высился огромный дом с пандусами, подземным гаражом и какими-то стеклянными галереями. Венедикт служил в этом доме консьержем. В его дежурке на столе лежали словари и пухлый немецкий том, он в то время занимался немецким языком. Проходившие мимо жильцы поглядывали на него с уважением и интересом, они сновали мимо дежурки, оставляли записки, выводили здоровенных собак. Они были бодры и подчеркнута доброжелательны. Худоба и высокий рост Венедикта особенно бросались в глаза рядом с этими солидными крепенькими людьми. Я заметила, что большинство из них ниже среднего роста, и Венедикт сказал, что ничего удивительного — в этом доме живут космонавты.

Странного, парадоксального в его житейских обстоятельствах было немало. По иронии судьбы дом, в котором получили квартиру Венедикт и Галя, тоже был ведомственным, чуть ли не от Академии МВД. После многолетних мытарств Венедикт был счастлив, уверял, что устроит на балконе грядку и станет растить огурцы, хорошо бы сразу соленые.

В вестибюле под портретом Ленина сидел дежурный, по виду отставник из военных. По утрам подтянутые супермены выбегали из пара-

неожиданно пришли двое, сказали, что по делу, с запиской от Венедикта. В записке были мой адрес и телефон, больше ни слова. Почему же они не позвонили? Ответили: нельзя, за нами следят.

Один был маленький, с ухватками карманного ворюшки, второй — зловещего вида, с ассирийской бородой, в сапогах и с четками. Говорил маленький, представил второго как лидера мусульманского движения (имени не назвал), просил связать их с мусульманскими активистами в Ленинграде, дать материалы для журнала и вообще внести свой вклад

сколько шагов я бежала в одной туфле, потом на ходу надела вторую, каблук словно прирос к подошве, я его не чувствовала...

Июльская жара. Мы с Венедиктом сидим на детской площадке в арбатском дворе. Дом, возле которого мы ждем, обшарпанный, убогий кооператив конца двадцатых годов. Во дворе только мы с Венедиктом да молодой человек, прямо сошедший с комсомольского плаката. При такой жаре он мается на соседней скамейке в костюме и галстук.

Венедикт Ерофеев...

большим законником и на все предложения и возражения отвечал ссылками на статьи Уголовного кодекса. Его оппонентом был художник, требовавший резать правду-матку безо всяких экивоков и оговорок. Венедикт ему поддакивал, даже предлагал усугубить, и в его редакции все выходило так смешно и нелепо, что все рассмеялись, а художник обиделся (очень скоро он уехал на Запад).

Спор разгорелся, когда стали прикидывать, кому из именитых деятелей культуры предложить подписаться под петицией: «Этот струсит подписывать... А этот струсит не подписать, у него репутация либерала». Венедикт предложил дать петицию на подпись писателю Федину. Его предложение было отвергнуто, и мы ушли. На улице он сказал: «Представляешь, вот они придут к власти и будут распоряжаться всем, кстати, и твоей судьбой. Как тебе такой вариант?» Не очень мне такой вариант, Венедикт, не очень...

В Троице-Сергиеву лавру я впервые попала с Венедиктом. Собрались мы неожиданно, выехали довольно поздно, и в электричке он явно пожалел об этой аванюре, и я, глядя на его мрачное лицо, тоже. В вагоне была толпа едущих из Москвы в свои пригороды: дремавшие на лавках и стиснутые в проходе люди в одинаково темных пальто, с тусклыми от усталости лицами заставляли чувствовать себя особенно неприятно. На вокзальной площади те же молчаливые, темные люди набивались в автобусы.

В лавре было немногочисленно, отъезжали последние автобусы «Интуриста», у часовни сверкали фотовспышки — японцы снимали живописного старца в ветхом пальто и галошах на босу ногу. Этот старец, тихая толпа женщин у часовни, соборы, палаты — все было неправдоподобно ярко, я не знала, что такое еще существует. Я пробыла там довольно долго, а когда спохватилась, Венедикта не было.

Он стоял во дворе и толковал со стариком. Старик был такой же высокий, худой, странно похожий на Венедикта. Он уговаривал Венедикта окупиться в прорубь, тот оживился — похоже, идея его увлекла. Они с Венедиктом вспомнили несколько случаев чудесных исцелений и расстались явно с сожалением. У ворот я обернулась — старика уже не было. Два молодых милиционера на площади перебрасывались снежками.

Мы зашли в лавку, и Венедикт выбрал для меня масленку на толстых кривых лапках.

Вокруг соборов и за стенами лавры был волшебный мир — с чудесным стариком, милиционерами со снежками, с развеселой кособокой масленкой и светом в окнах деревянных домов. Он был равно далек и от золоченой старины, и от жизни черных фигурок, высыпавших на перрон и бегущих к автобусам. Мы шли вдоль палисадников с оглохшими от снега кустами, мимо окон с бумажными цветами и игрушками между рамами, голубым светом телевизоров и геранью на подоконниках. Мы подымались наверх, окруженные этим ровным, коротким теплом жизни, которого так не хватало в моем Питере и в его Москве без Петушков...

● Елена ИГНАТОВА

ТАМ, ГДЕ РОСЛИ СОЛЕННЫЕ ОГУРЦЫ

дела под током. Вдруг впереди открылись ворота, и, пока я бежала к ним, оттуда выехал бронетранспортер. В те времена бронетранспортер на московской улице — этого не могло быть даже там, где работали мои друзья. Часовой объяснил, что нужный мне дом — следующий, потому что этот, что за забором, без номера. Когда я наконец дошла до него, Венедикт уже поджидал меня на улице, и я опять подивилась странности жизни: среди жилых барачных развалюх с входом в квартиры прямо с улицы и окнами в

дно на разминку, потом селились в машины и уезжали на службу. Вахтер встречал их сладкой собачьей улыбкой, а при виде Венедикта и его гостей суровел. Мы несколько раз сталкивались в подезде — супермены после пробежки и Венедикт с бидоном пива, они взбегали по лестнице, а мы ждали лифта, и я чувствовала холодок в затылке от взгляда вахтера...

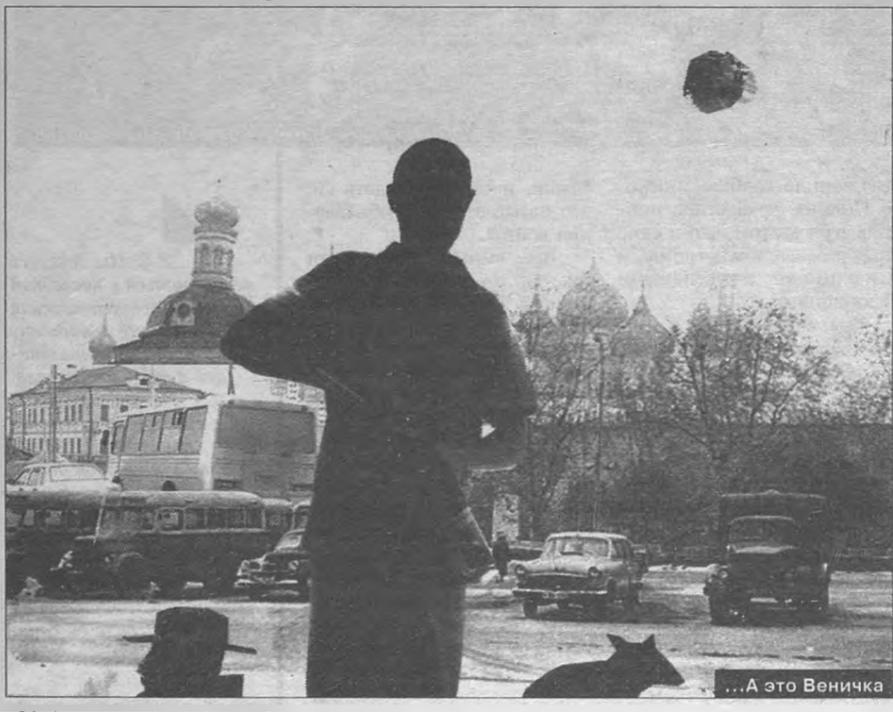
Отголоски его бурной жизни доносились до меня не только по слухам: однажды ко мне

в мусульманское движение. Черный сидел истуканом, перебирал четки, от чая отказался знаками, по-русски, видимо, не понимал. Иногда он согласно рычал, и мне чудилось, что у него нож за голенищем. Маленький все упоминал Венедикта, ссылаясь на него не реже, чем на Аллаха, и повторял, что они в Ленинград надолго и я должна свести их с писателями, сочувствующими мусульманскому движению.

Я была в ужасе. Венедикт спятил, если прислал их ко мне, — все это отдавало провокацией. Наконец я спровадила их, пообещав передать тексты через Венедикта, и в дверях черный вдруг без всякого акцента сказал, что со мной «будут держать связь» и «скоро придут люди».

Я позвонила в Москву. Прямо спрашивать и говорить было нельзя, и Венедикт долго не мог понять, о чем я толкую. Потом сообразил, выругался и посоветовал гнать их в шею. «А ты видел, какая шея у этого ассирийского быка?» — вспылила я. Но главным было, что он знал, о ком идет речь, а как к ним попал мой адрес, догадаться нетрудно.

Больше борцы за мусульманское дело не появлялись. А летом в Москве у меня на улице сломался каблук. Я кое-как доковыляла до сапожной будки, подала туфлю сапожнику, мы взглянули друг на друга, и не знаю, кто растерялся больше. В будке сидел мусульманский лидер — в фартуке и с кривым сапожным ножом. Первые не-

...А это Веничка

13.3.02
Ерофеев Венедикт

184